

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 43–51.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):43–51.

Научная статья

УДК 94(510):001(47)«17/19»

DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.005

Становление отечественного китаеведения (XVIII–XX века)

Рудометова Анастасия Юрьевна¹, Капитонова Нина Сергеевна², Кравченко Елена Николаевна³

^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

(Санкт-Петербургский филиал), Санкт-Петербург, Россия

¹ nastasiacom@bk.ru

² neonilak@inbox.ru

³ ellenkravchenko@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования заключается в том, что китайский язык все более востребован в наши дни, а история развития отечественного китаеведения мало изучена, и предпочтение отдается практическому использованию китайского языка, а не истории его становления в России. Предмет исследования — история становления китаеведения в XVIII–XX веках. Цель исследования — анализ этапов становления отечественного китаеведения с XVIII по XX век. В статье описываются тенденции в изучении Китая, китайского языка и культуры, преобладающие на разных исторических этапах. Также рассматриваются значимые исторические личности, внесшие вклад в основание и развитие отечественной синологии. В статье отмечаются основные трудности, возникающие в процессе становления отечественного китаеведения. Авторы делают предположение, что исторически это обусловлено менталитетом китайского народа, достаточно скудно делящимся с иностранцами своими культурными особенностями, но активно изучающим народы-оппоненты, а также внутренними противоречиями в работе российских деятелей в процессе формирования китайско-русских отношений. Основу исследования образуют методы историографического и теоретического анализа, а также метод контент-анализа научных и учебных источников. Результаты исследования могут быть применены в сфере лингвокультурологии и социологии, а также в качестве базы для дальнейшего изучения и анализа особенностей исторических этапов становления синологии в России.

Ключевые слова: Китай, синология, китаеведение, китайский язык, китайская культура, Азия, отечественные синологи.

Для цитирования: Рудометова А. Ю., Капитонова Н. С., Кравченко Е. Н. Становление отечественного китаеведения (XVIII–XX века) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 43–51. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.005.

Original article

The formation of Chinese studies in Russia (18th–20th centuries)

Anastasia Yu. Rudometova¹, Nina S. Kapitonova², Elena N. Kravchenko³

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

³ Financial University of the Government of the Russian Federation

(St. Petersburg branch), St. Petersburg, Russia

¹ nastasiacom@bk.ru

² neonilak@inbox.ru

³ ellenkravchenko@gmail.com

Abstract. The relevance of the study lies in the fact that the Chinese language is increasingly growing in demand nowadays, and the history of the development of Chinese studies in Russia has not received sufficient attention. Preferences are given to practical use of the Chinese language rather than the history of its penetration into Russia. The subject of the research is the formation of domestic Chinese studies in the 18th–20th centuries. The purpose of the research is to analyze the evolution of Russian Chinese studies from the 18th to the 20th centuries. The article describes the trends in the study of China, Chinese language and culture that have prevailed at different historical stages. It discusses the major personalities who contributed to the founding and development of Russian sinology. The article lists the main difficulties arising in the process of formation of domestic Chinese studies. The authors make the assumption that historically this is due to the mentality of the Chinese people, who share their cultural characteristics with foreigners rather scarcely, but actively study opposing nations, as well as inner contradictions in the work of Russian activists in the process of forming Chinese-Russian relations. The research is based on the methods of historiographic and theoretical analysis, as well as content analysis of scholarly and educational sources. The results of the study can be applied in the field of linguoculturology and sociology, as well as in further study and analysis of the characteristics of the historical stages of the formation of sinology in Russia.

Keywords: China, sinology, Chinese studies, Chinese language, Chinese culture, Asia, domestic sinologists.

For citation: Rudometova A. Yu., Kapitonova N. S., Kravchenko E. N. The formation of Chinese studies in Russia (18th–20th centuries). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):43–51. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.005.

Введение

В конце XVIII века существовали четкие торговые маршруты сибирской и русской торговли с Китаем, пролегающие через города Северного Китая, преимущественно город Чжэнь-цзя-коу или, как его называли русские, Калган. Маршруты были освоены настолько, что не приходилось направлять животных — они сами знали намеченные пункты остановок и ночевки. И все же соседство с китайским народом совершенно не давало представлений об укладе их жизни, быте или о характере китайцев. Так, например, П. Я. Пясецкий в своем труде «Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай)» [Пясецкий, 1882, с. 437], описывая въезд в город Сюнь-хуа-фу, удивляется отсутствию досконального досмотра экспедиции при въезде в город, чего он ожидал со стороны «подозрительных» китайцев. Пясецкий впервые дает исчерпывающее, насколько позволяют условия экспедиции, описание китайского народа, его уклада, быта. До труда путешественника основные знания русских ученых ограничивались географическими данными и историческими сведениями, изредка дополненными культурными сведениями, такими как брошюры о чае или переводы конфуцианской литературы. Наполненное стереотипами и суевериями восприятие китайского народа того времени дает нам представление о китайцах как о народе, заботящемся только о сохранении своих «десяти тысяч церемоний» [Там же, с. 442]. Более подробное описание домов, приборов, характера китайцев, их языка, обычаев и даже армии, и тюремного уклада позволяет говорить о том, что до этого времени представления о китайцах были поверхностными, невежественными и предвзятыми.

Основная часть

Одним из первых крупных китаистов, популяризовавших китайскую культуру в России, стал Иакинф Бичурин (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853). Его труды послужили основой для многих дисциплин китаеведения: истории синологии, религиоведения и лингвистики. Бичурин, владея маньчжурским, монгольским и китайским языками, возглавлял Пекинскую православную духовную миссию с 1808 по 1821 год. Его исследования затрагивали не только лингвистическую и культурную область, но и сосредотачивались на изучении отдельных народов. В числе его крупных трудов «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», а также переводы работ о Тибете и книга о географии Китайской империи, включающая описание Китая, Маньчжурии и Монголии. В этот период заинтересованность в изучении принципов жизни китайцев начинает проявляться через изучение религиозных традиций народа: буддизма, конфуцианства и даосизма. Китайский язык приобретал определенную популярность, понемногу изучались китайская письменность, диалекты, а вместе с ними и культурные особенности жизни: праздники, обряды, традиции и ритуалы.

Основная масса трудов того времени — сочинения европейских ученых о Китае, часть из которых являлись оригинальными, а часть — переводами с китайских источников. Сами же китайские источники не считались достоверными, компетентность китайских ученых подвергалась сомнениям, труды по истории не признавались авторитетными. Внимание уделялось обрядам похорон, свадьбы, религиозным канонам, философии, однако российские ученые подчас сравнивали китайцев с современными аборигенами, характеризуя китайские жизненные принципы как примитивные — примитивное верование в бессмертие души, культ предков, многобожие.

Так, С. М. Георгиевский в своем труде «Принципы жизни Китая» в 1888 году рассматривал жизнь китайского народа через призму культа предков [Георгиевский, 1888]. Опираясь на переводы трудов китайских ученых, он подчас трактовал получаемые сведения произвольно, называя одни источники компетентными, а другие нет, не аргументируя свою точку зрения на авторитетность китайских трудов. Свои заключения автор часто подкреплял сведениями о китайской письменности, иногда не отражающими действительных исторических данных.

К 1888 году китайский язык был достаточно изучен лингвистами для того, чтобы составить представление о сложности и исторической запутанности китайской письменности. Установилось понимание основ иероглифики, в частности о том, что иероглиф строится из нескольких знаков — ключей, указывающих его энциклопедический смысл. Однако из-за часто произвольного употребления ключей проследить этимологию иероглифа и сослаться на исторические данные, используя китайскую письменность, не представлялось возможным.

Китайский язык того времени, кардинально отличающийся от любого европейского языка, оказался главным предметом изучения, а китайская культура — побочным, помогающим понять китайскую речь и письменность. Уже в 1888 году благодаря таким ученым, как С. М. Георгиевский, исследовалась связь китайского языка с японским, корейским, маньчжурским и другими близкими языками, а также состав китайского слога. Синологами активно обсуждались история происхождения китайского народа, китайского языка и отражение этнокультурных традиций различных народностей в китайском языке.

Одна из проблем синологии заключалась в большом количестве диалектов китайского языка, поскольку представление о том, являются ли они единой языковой семьей, разделенной на разные диалекты и жаргоны, или же разными языками, никак не соотносящимися друг с другом, еще не сформировалось. Непонимание системы китайского языка, невозможность изучения его истории поставили перед синологами вопрос о количестве наречий на территории китайского государства. При этом в указанный период уже были известны конкретные диалекты, доступные для изучения, — кантонский и фуцзяньский.

Первыми крупными постоянными центрами изучения китайского языка в России считаются восточные факультеты в университетах Санкт-Петербурга и Казани, а также Московский институт востоковедения. Становление кафедры восточных языков в Казанском университете связано с деятельностью участников Пекинской духовной миссии — архимандрита Даниила (1798–1871, Пекин, 1821–1830) и И. П. Войцеховского (1793–1850, Пекин, 1819–1831).

Открытие первой в России кафедры китайского языка и словесности, целью которой стало изучение языков и памятников духовной культуры, состоялось в 1837 году в Казани. В 1844 году кафедра была преобразована в кафедру китайско-маньчжурской словесности, методологическую базу которой составляли исследования казанских востоковедов. Первым профессором кафедры был назначен Д. П. Сивиллов (архимандрит Даниил), входивший в состав десятой Пекинской духовной миссии с 1820 по 1832 год. За время миссии в Пекине он участвовал в составлении китайско-русского словаря, занимался переводами богослужебных книг с русского на китайский язык, древнекитайских сочинений по религии, истории и философии, а также написал очерк о конфуцианском и даосском вероисповедании. Возглавив кафедру, архимандрит Даниил не только передал свою коллекцию книг университету, но и подготовил первую программу преподавания китайского языка для Первой казанской гимназии. Профессор также выработал новый метод обучения китайскому языку, как письменному, так и разговорному. Так, он впервые стал объяснять начинающим Китаистам ключи как элементы иероглифа, делил обучение на аспекты, учил грамматическим правилам, разговорной речи и переводу. Архимандрит Даниил использовал «Китайскую грамматику», написанную Н. Я. Бичуриным, а также издавал собственные словари и пособия по обучению китайскому языку, такие как «Предварительные понятия о китайском языке».

В основе обучения традиционно лежало изучение языков и памятников духовной культуры народов Центральной Азии. Помимо китайского языка, с 1839 года изучался монгольский язык как «более полезный» [Петров, 1937, с. 142] на службе. Обучение длилось семь лет и включало в себя занятия три раза в неделю, на которых практиковались письменные переводы с русского небольших сказок и анекдотов, а также активно тренировалась устная речь. При переходе в следующий класс нужно было сдать ежегодные экзамены. А. А. Петров пишет о Казанском периоде в истории отечественного китаеведения: «Казань, как крайний культурный Форпост России на Востоке, должна была сделаться, по замыслу правительства, с одной стороны, местом подготовки востоковедчески образованных чиновников, и, с другой, — центром миссионерской деятельности русской церкви, принимавшей активное участие в разрешении общих экономических и политических задач самодержавия и являвшейся неотъемлемой составной частью государственного аппарата Российской империи» [Там же, с. 145].

Преподавание в школе на начальном этапе не отличалось от лекций в университете. В дальнейшем, по мере развития, профессорами была разработана отдельная программа для преподавания в гимназии, обусловившая практическую направленность изучения языка в школе и более глубокое теоретическое познание его в университетском курсе. Преподавание китайского языка требовало не только четкой программы и системности, но и актуализации. Все предыдущие попытки системного обучения основывались на переводах в основном философских текстов и переработке данных об истории и географии, работе над словарями и разговорниками и в основном опирались на китайский и монгольский языки. Однако следует заметить, что с конца XVII века правящей династией Китая являлась маньчжурская империя Цин, пусть и вобравшая в себя менталитет ханьского народа, но воспринимавшаяся внутри Китая как захватчики, имеющие свой собственный язык и даже свою письменность. Введение маньчжурского языка в процесс обучения было напрямую продиктовано политическим положением Китая того времени.

Преемником архимандрита Даниила стал профессор И. П. Войцеховский, преподававший на кафедре с 1844 по 1850 год вплоть до своей смерти. В 1845 году профессором была актуализирована программа преподавания китайского языка в Первой казанской гимназии. Согласно новой программе курс обучения составлял 5 лет. Целью первого года обучения было усвоение опорных понятий китайского языка, изучение основных ключей как базовых единиц китайской письменности. На втором году вводились ключевые понятия грамматики китайского языка, выполнялись небольшие переводы с китайского на русский и наоборот [Valeev, Valeeva, Fedorchenko, Sagitova, 2015, p. 42]. Третий курс включал изучение синтаксиса китайского языка и этимологии слов и иероглифов. На старших курсах внимание акцентировалось на разнице книжного и разговорного китайского языка, осуществлялись переводы классических книг, деловых бумаг, писем и исторических рассказов [Валеев, Федорченко, 2014, с. 2]. Таким образом, основным методическим материалом служили непосредственно китайские тексты, составленные российскими китаеводами словари, деловые бумаги и письма, к которым имелся доступ, а проблема недостатка специализированной и адаптированной для русского обучающегося методической базы быстро стала актуальной. По проекту Положения о преподавании азиатских языков в Первой казанской гимназии 1845 года преподавание языков Цинской империи планировалось на двух разрядах: китайско-маньчжурском и монгольско-маньчжурском.

К середине XIX века Русская духовная миссия в Пекине уже полностью исчерпала все свои средства подготовки кадров в сфере востоковедения. В. С. Мясников пишет об этом периоде: «Один за другим правительству представляются проекты реорганизации университетского преподавания востоковедческих дисциплин. Наконец, в октябре 1854 г. последовал указ о создании Восточного факультета Петербургского университета, во главе которого встал выдающийся знаток Китая, его истории, общественной мысли, языка и обычаев — академик Василий Павлович Васильев» [Мясников, 1986, с. 43]. В 1854 году указом императора Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» библиотека, учебники и учебные пособия были переданы из Казани в Санкт-Петербург, а вместе с ними в столицу переправились 19 преподавателей, одним из которых стал синолог В. П. Васильев, возглавлявший факультет с 1878 по 1893 год. За время своей работы Васильев опубликовал огромное количество фундаментальных исследований по истории Китая и сопредельных с ним стран, среди которых: «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.»

«Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин», «О движении магометанства в Китае», «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» [Мясников, 2017, с. 31]. Кафедра китайского языка на восточном факультете Санкт-Петербургского императорского университета, возглавляемая Васильевым, стала основным научно-исследовательским центром отечественного китаеведения. Первоначально число изучавших китайский язык в университете составляло не более 10 человек, но к началу XX века количество студентов китайско-маньчжурского и китайско-японского отделений достигло более 300.

После смерти В. П. Васильева ведущим преподавателем и руководителем направления стал Д. А. Пещуров. К этому времени программа курса уже была достаточно насыщенной. На первом курсе изучались ключи, китайская каллиграфия, формы и клише разговорного языка, история китайского языка, его грамматический строй, читались и разбирались небольшие легкие тексты. Студенты заслушивали лекции на тему «Обзор путешествий европейцев в Азию». Основными материалами для первого курса были «Грамматика отца Иакинфа», словари В. П. Васильева, П. С. Попова и Д. А. Пещурова. Применялись и пособия, написанные на иностранных языках, например «Элементы грамматики китайского языка» Жан-Пьера Абеля Ремюза, «Грамматика мандаринского языка, принципы организации китайской разговорной речи» Антуана Базина и «Грамматика устного и письменного китайского языка» Пола Перни. На втором курсе студенты сосредотачивались на чтении оригинальных китайских текстов, слушали такие лекции, как «Чтение повестей и избранных глав из Шэн-юи-гуан-сюнь» профессора Д. А. Пещурова, предназначенные для обучения простых людей конфуцианской мысли, а также лекции об истории Средней и Северо-Восточной Азии. К лекциям Пещуров давал подробные комментарии, позднее объединив их в «Расширенные инструкции» объемом в десять тысяч знаков. Кроме того, рассматривались география и история государств Азии. На старших курсах изучалась история Монголии от времени Чингисхана до падения династии Юань в Китае, переводились и анализировались исторические и официальные документы, читались газетные вырезки. Объектом обучения стала и классическая литература: в нее включались тексты «Мэн-цзы» (один из конфуцианских канон), роман «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня и «Троецарствие», авторство которого приписывается Ло Гуаньчжуну. На всех курсах обязательно практиковалась устная речь, ее преподавателем стал Куэ Фан (Гуи Фан), атташе китайского посольства в Санкт-Петербурге. Опыт преподавания носителем внес необходимые коррективы в систему освоения китайского языка, показав необходимость обмена педагогическими стратегиями. Лингвисты, изучающие китайский язык, долгое время пытались уложить нормы китайского языка в европейские стандарты, сталкиваясь с очевидными трудностями. Налаживание российско-китайских отношений обеспечило возможность русским китаеведам опираться не только на личный опыт преподавательской деятельности, но и перенимать методики преподавания непосредственно китайского народа, что позволило упростить и значительно ускорить обучение.

Основание кафедры китайского языка в Казани и ее дальнейшее перемещение в Санкт-Петербург послужило не только фундаментом для обучения китайскому языку и культуре китайского народа, но и возможностью систематизировать разрозненные знания о языке, его письменности и культуре Китая, поскольку огромное количество трудов по географии, истории, религии Китая, а также словари, пособия и другие материалы, имеющие первостепенное значение, ранее располагались в разных архивах страны. Санкт-Петербург стал не только местом обучения китайскому языку, но и местом систематизации и хранения знаний о Китае, накопленных за долгие годы.

Этапы зарождения российского китаеведения напрямую связаны с конкретными личностями крупных ученых и их деятельностью. Однако, несмотря на достаточно большое количество трудов, многие работы не были в достаточной степени оценены. Отдельная трудность популяризации китайской культуры раннего периода заключалась в том, что изучающие ее личности были представителями разных областей науки, не имеющими общих целей в исследованиях.

К концу XIX века встал вопрос о расширении обучения восточным языкам. Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета полностью удовлетворял потребностям общества того времени, открыв возможность высшей власти наблюдать и контролировать обучение восточным языкам. В этот период мнения ученых о необходимости еще одного

факультета разделились. Кроме того, велись споры о местоположении нового факультета — в Москве или в Санкт-Петербурге. Востоковедческая школа Санкт-Петербурга была достаточно многочисленной и богатой на именитых ученых. Высказывалось мнение о ненужности дополнительного факультета в связи со сложностями его финансирования. В качестве аргументов приводилось мнение, что достаточно налаженная к тому времени торговля с Азией не требовала посредников и не нуждалась в развитии существующих факультетов и специалистов-востоковедов. Купечеству действительно требовались люди, знающие китайский язык, но таковых для ведения торговли было достаточно на окраинах страны, потому, по мнению противников распространения обучения восточным языкам, в дополнительном факультете и академическом образовании не было смысла.

Впрочем, в 1921 году путем слияния всех московских востоковедческих учебных заведений был создан Московский институт востоковедения, с которого в 1922 году началась систематическая подготовка синологов в Москве. Перенесение столицы, несомненно, повлияло на открытие нового института. основополагающим для развития китаеведения в Москве стал курс В. С. Колоколова, советского китаиста, получившего образование на специальном факультете Военной академии Рабоче-крестьянской красной армии имени М. В. Фрунзе, представлявшим собой учебное формирование Красной армии по подготовке военных дипломатов и разведчиков. Родившийся и получивший образование в Китае, Колоколов не просто владел китайским языком, но и создал систему систематизации иероглифов, до настоящего времени используемую при создании словарей, а также опубликовал труды по фонетике и лексике китайского языка и несколько словарей.

Востоковедческие школы Санкт-Петербурга и Москвы разительно отличались друг от друга. Петербургские синологи занимались изучением классической науки — системы языка, методологии его преподавания, культуры и истории Китая, тогда как были необходимы синологи-практики. По этой причине создание Московского института востоковедения преследовало скорее политические цели. Характерной чертой нового востоковедения было изучение социальных и политических процессов, происходящих в китайском обществе, классовой структуры социума, особенностей быта, основной упор делался на современную политику и социально-экономические вопросы. Фактически целью всех преобразований, проводившихся в 1920–1930-е годы в институте, стал поиск оптимального соотношения между тремя блоками дисциплин: востоковедческими (языки, страноведение, история и культура), специальными (право, статистика, товароведение и др.) и общими «марксистскими» предметами (исторический материализм, политическая экономия, история революционных движений и др.). Выбор соотношения этих дисциплин зависел в первую очередь от тех задач и целей, которые ставили перед руководством института курировавшие его органы советской власти [Главы из истории ... , 2014, с. 223]. Московский институт востоковедения был закрыт в 1954 году по причине недостатка подготовки кадров и нехватки в стране специалистов по ряду государств Юго-Восточной Азии.

Качественно новую ориентацию отношения с Китаем приобрели после возникновения Советского Союза. Политические и экономические связи актуализировали изучение китайского языка и культуры. СССР стал первым государством, признавшим КНР. Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи открыл новую страну для обеих развивающихся держав. Китай, культура которого переживала изменения вслед за политическими и экономическими преобразованиями, оказался значимым объектом изучения российских синологов, а открытость китайского государства позволила погрузиться в изучение менталитета китайского народа. Труды синологов советского периода ценятся и используются по сей день. Основная концепция советского китаеведения провозглашает исключительную роль традиции в китайской культуре и истории, подчеркивает неизменность традиционных ценностей и ориентаций. Устойчивость китайских традиций к переменам как нельзя лучше сообщается с коммунизмом, образуя уникальную политическую культуру. Древность и непрерывность китайской цивилизации, ее культуры и менталитета китайского народа стали одним из принципов концепции специфической роли традиций в китайской культуре. Трудно различить, были ли труды советских китаеведов в большей мере направлены на изучение китайской культуры или же на попытки достижения заданных политических целей. В XXI веке необходимость использования примера

китайского народа для контроля собственных политических установок больше не актуальна, и современные китаеведы имеют возможность заниматься объективным исследованием изменившихся за последнее столетие китайского языка и культуры.

В настоящее время изучение китайского языка неотделимо от изучения китайской культуры, ведущая роль отводится лингвокультурологии как науке, позволяющей раскрыть всю сущность национальной культуры через язык. С углублением языковых и культурных исследований язык и культура становятся двойственными, независимыми и многоуровневыми, всесторонними системами, что делает их новой исследовательской областью [Лю, 2018, с. 68]. Усиление интеграции гуманитарных дисциплин приводит к необходимости изучать язык не только как способ вербальной коммуникации, но и углубленно изучать историю китайского народа, его традиции и ценности, включающие множество составляющих.

Заключение

Политика открытости, ведущаяся китайским правительством последние десятилетия, напрямую влияет на качество межкультурных контактов. Китайский народ, с уважением и интересом относящийся к чужой культуре, активно вбирает все положительное, а стабильность китайского менталитета, обеспеченная многовековыми традициями, остается устойчивой к проникновению неблагоприятных факторов. На наш взгляд, одной из причин стабильности китайской нации является то, что в подавляющем большинстве межэтнических контактов представители китайского народа предпочитают самостоятельно изучать обычаи и языки народа-оппонента, извлекая все возможные выгоды и перенимая новое, способное послужить на благо китайского народа. Ценностные ориентиры китайского народа включают важность церемониала, пренебрежительные отношения к людям, не способным воспринять его традиционные этические нормы, и, как следствие, быстрая адаптация к новым условиям общения. Этим обуславливается то, что на протяжении всей своей истории китайцы с большой осторожностью относились к чужакам, попадающим в их общество, оставляя их по большей части непросвещенными, без возможности полноценно познать культуру и язык этой страны. Ограничения, накладываемые на иностранных ученых, такие как четкое определение количества человек, направленных в Пекин на обучение, недоступность обучения в китайских школах, редкий обмен специалистами, серьезно замедлили становление отечественного китаеведения.

Еще одной трудностью можно назвать ориентацию российского руководства по большей части на сферу торговли, нежели на культурно-лингвистический аспект. На большинстве этапов зарождения отечественной синологии предпочтение в изучении особенностей Китая отдавалось географии и торговле или же зависело от политических целей, и лишь немногие ученые могли свободно заниматься познанием этой уникальной самобытной культуры. Таким образом, менталитет китайского народа по сей день во многом остается загадкой для отечественных китаеведов.

Список источников

1. Валеев Р. М., Федорченко Р. Г. Формирование китаеведения в Казанском университете и преподавание китайского языка в Первой Казанской гимназии (первая половина XIX в.) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 2. — С. 122–124. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kitaevedeniya-v-kazanskom-universitete-i-prepodavanie-kitayskogo-yazyka-v-pervoy-kazanskoy-gimnazii-pervaya-polovina-hh-v> (дата обращения: 08.07.2022).
2. Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. — СПб. : А. Я. Панафидин, 1888. — 494 с.
3. Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО / под общ. ред. А. В. Торкунова. — М. : Аспект Пресс, 2014. — 384 с.
4. Лю Чаоцзе Исследование лингвокультурологии в современном Китае // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 1 (82). — С. 65–70. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lingvokulturologii-v-sovremennom-kitae> (дата обращения: 08.07.2022).
5. Мясников В. С. Россия и Китай: контакты государств и цивилизаций // Российская цивилизация. — 1996. — С. 92. — URL : https://www.studmed.ru/myasnikov-a-s-rossiya-i-kitay-kontakty-gosudarstv-i-civilizaciy_f1b66cd5e0e.html (дата обращения: 30.07.2023).

6. Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного китаеведения // Перспективы. Электронный журнал. — 2017. — № 1 (9). — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vostok-stanovlenie-otechestvennogo-kitaevedeniya> (дата обращения: 29.07.2023).
7. Петров А. А. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — Вып. 10 (1936). — С. 139–155.
8. Пясецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. — М. : в Ун-й тип. (М. Катков), 1882. — Т. 1. — 584 с.
9. Valeev R., Valeeva R., Fedorchenko R., Sagitova R. Russian university oriental studies and sinology in kazan and teaching chinese in the first kazan gymnasium (the first half of the XIX century) // Journal of Sustainable Development. — 2015. — Vol. 8, № 4. — URL : <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/141798> (дата обращения: 25.08.2023).

References

1. Valeev R. M., Fedorchenko R. G. Formation of Chinese studies at Kazan University and teaching of Chinese at the First Kazan Gymnasium (first half of the 19th century). *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. 2014, iss. 2, pp. 122–124. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kitaevedeniya-v-kazanskom-universitete-i-prepodavanie-kitayskogo-yazyka-v-pervoy-kazanskoy-gimnazii-pervaya-polovina-hh-v> (accessed: 08.07.2022). (In Russian).
2. Georgievsky S. M. *Printsipy zhizni Kitaya* [Life principles in China]. St. Petersburg, A. Ya. Panafidin Publ., 1888, 494 p. (In Russian).
3. *Glavy iz istorii moskovskogo vostokovedeniya. Lazarevskiy institut — Moskovskiy institut vostokovedeniya — MGIMO* [Chapters from the history of Moscow oriental studies. Lazarev Institute — Moscow Institute of Oriental Studies — MGIMO]. Ed. by A. V. Torkunov. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014, 384 p. (In Russian).
4. Liu Chaojie Study of linguistic and cultural studies in modern China. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. 2018, iss. 1 (82), pp. 65–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-lingvokulturologii-v-sovremennom-kitae> (accessed: 08.07.2022). (In Russian).
5. Myasnikov V. S. Russia and China: contacts between states and civilizations. *Rossiyskaya tsivilizatsiya* [Russian civilization]. 1996, p. 92. Available at: https://www.studmed.ru/myasnikov-a-s-rossiya-i-kitay-kontakty-gosudarstv-i-civilizatsiy_f1b66cd5e0e.html (accessed: 30.07.2023). (In Russian).
6. Myasnikov V. S. Russia and the East. The formation of domestic Chinese studies. *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal* [Perspectives. Electronic journal]. 2017, iss. 1 (9). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-vostok-stanovlenie-otechestvennogo-kitaevedeniya> (accessed: 29.07.2023). (In Russian).
7. Petrov A. A. Manuscripts on Sinology Studies and Mongolian studies in the Central Archive of the ATSSR and in the library of Kazan University. *Bibliografiya Vostoka* [Bibliography of the East]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, iss. 10 (1936), pp. 139–155. (In Russian).
8. Pyasetsky P. Ya. *Puteshestviye po Kitayu v 1874–1875 gg. cherez Sibir, Mongoliyu, Vostochnyy, Sredniy i Severo-Zapadnyy Kitay* [Traveling through China in 1874–1875, through Siberia, Mongolia, Eastern, Middle and Northwestern China]. Moscow, University (M. Katkov Publ.), 1882, vol. 1, 584 p. (In Russian).
9. Valeev R., Valeeva R., Fedorchenko R., Sagitova R. Russian university oriental studies and sinology in kazan and teaching Chinese in the first Kazan gymnasium (the first half of the XIX century). *Journal of Sustainable Development*. 2015, vol. 8, iss. 4. Available at: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/141798> (accessed: 25.08.2023).

Информация об авторах

Рудометова Анастасия Юрьевна — старший преподаватель департамента восточных языков и культур Южного федерального университета.

Сфера научных интересов: общая педагогика.

Капитонова Нина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иберо-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.

Сфера научных интересов: теория языка, зарубежная филология, лингвистика.

Кравченко Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и общегуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Санкт-Петербургский филиал).

Сфера научных интересов: лингвистика, теория языка.

Information about the authors

Rudometova Anastasia Yuryevna — senior lecturer at the Department of Oriental Languages and Cultures of the Southern Federal University.

Research interests: general pedagogy.

Kapitonova Nina Sergeevna — candidate of philology, associate professor of the Department of Ibero-American Studies in the Field of Language, Translation and Intercultural Communication of the Southern Federal University.

Research interests: theory of language, foreign philology, linguistics.

Kravchenko Elena Nikolaevna — senior lecturer at the Department of Intercultural Communications and General Humanities at the Financial University of the Government of the Russian Federation (Saint Petersburg branch).

Research interests: linguistics, theory of language.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; принята к публикации 22.12.2023.

The article was submitted 27.03.2023; accepted for publication 22.12.2023.